

RU

Бытование религиозных практик в жизни народа в советское время в исторической динамике

Перова Е. Ю.

Аннотация. Цель исследования - выявить динамику и особенности бытования религиозных практик в советское время. Научная новизна связана с привлечением недавно появившихся и этнографических материалов и мемуарной литературы, до сих пор не получивших широкого освещения в научной сфере. Выявляется преемственность религиозной традиции народа в различных ее формах, в частности взаимодействие мирян и представителей существующего в отечественной культуре феномена старчества. В результате исследования установлено, что в условиях гонений на религию в советское время наряду с устойчивыми религиозными практиками появлялись новые.

EN

Religious Practices Functioning in the People's Life during the Soviet Era in Historical Dynamics

Perova E. Y.

Abstract. The purpose of the study is to identify dynamics and features of religious practices functioning during the Soviet era. Scientific novelty is associated with involvement of latest and ethnographic materials and memoir literature that have not received wide coverage in scientific field yet. The researcher reveals continuity of the people's religious tradition in its various forms, in particular interaction of the laity and representatives of the starchyestvo - the phenomenon of eldership - existing in the national culture. As a result of the study, it is found that in the conditions of religious persecutions during the Soviet era, in addition to established religious practices, new ones appeared.

Введение

В данной статье отдельные аспекты религиозных практик народа в советский период и эпоху гонений на церковь рассматриваются в контексте устойчивой народной традиции, которая является одним из маркеров идентичности. В фундаментальных исследованиях по этому вопросу даются важные определения: феномены «этнической» и «культурной» идентичности не отождествляются и не противопоставляются. «Этнокультурная идентичность» рассматривается как «форма социальной идентичности, которая формируется на основе этнической (национальной) принадлежности» [10, с. 145-146].

При этом в процессе самоопределения народа ключевое значение имеет религия, в контексте которой выстраивается и культурная парадигма, в том числе историческая традиция и мифотворчество (эта «подлинная и максимально конкретная реальность» для любого культурно-исторического типа, по словам А. Ф. Лосева [9, с. 37]). В названном контексте не был исключением и советский период в отечественной истории. Политические и идеологические мифы этого времени многое заимствовали из сакральной традиции; и религиозный компонент в явном или имплицитном виде сохранял значимое положение в провиденциальном контексте отечественной культуры и в немалой степени в повседневной жизни народа. Актуальность исследования определяется изучением данного исторического периода в названном ракурсе и выявлением исторической динамики в бытовании религиозных практик народа. Кроме того, в научной литературе, посвященной названной проблематике, как правило, рассматриваются соответствующие практики в реалиях советского времени у бурят, мусульман, католиков, баптистов и недостаточно полно в среде русского народа [2; 5; 19]. Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, проследить сохранение устойчивой религиозной традиции в народе; во-вторых, выявить наиболее распространенные формы религиозных практик в советское время; в-третьих, обнаружить новые тенденции религиозной жизни народа, адаптированные к условиям советской действительности.

В качестве методов исследования привлекаются контент-анализ и системный подход. Теоретической базой исследования выступили этнографические материалы, раскрывающие наличие религиозных практик в народе в советское время [3], научные публикации последних лет по проблемам идентичности [1; 10; 11; 16], а также ряд исторических источников и публикаций, на основании которых можно выявить особенности бытования религиозных практик народа [7; 12; 14].

Практическая значимость работы заключается в том, что раскрываемый в статье исторический контекст и фактографический материал, который до сих пор остается не вполне вовлеченным в научную сферу, может быть использован для дальнейших научных исследований, а также в педагогической деятельности.

Религиозная жизнь народа в контексте идентичности

В отечественной философской мысли начала XX века не раз было отмечено, что слово «культура» происходит от слова «культ» (П. А. Флоренский [18, с. 254] и др.), и культурная самобытность народа определяется верой, климатом и ландшафтом, в том числе «менталитет» этноса, ряд черт его культуры и психологии определяются влиянием «месторазвития» (одно из ключевых понятий в евразийстве), территорией обитания.

Религиозная традиция русского народа связана с православием; его богословские интуиции были в фокусе внимания отечественных философов и исследователей на протяжении XIX–XX веков, а также зафиксированы в более ранние периоды представителями других культурных и этнических традиций. Так, например, в ходе своего путешествия, длившегося несколько лет в XVII столетии, ближневосточные паломники отмечают глубокую веру народа, любовь к святости, благочестию и «Божиим людям», а также (что важно для данной статьи) склонность к философствованию и общению с духовенством [12, с. 509].

И. А. Ильин посвящает отдельный труд изучению и типологии «аксиом религиозного опыта», которые одновременно объясняются характером русского народа и раскрывают его. Среди основных характеристик можно выделить следующие: личностный религиозный опыт («огни личной жизни»), «религиозную цельность и искренность», смирение. В. М. Соловьев, изучая особенности национального характера, отмеченные в работах И. А. Ильина разных лет, приходит к выводу: «...русская национально-культурная идентичность прежде всего воплощена в русской духовности, которую сам философ образно назвал идеей свободно созерцающего сердца» [16, с. 228].

В последние годы в научном пространстве активно исследуется направление, связанное с этнической идентичностью, в частности рассматриваются культурные основания идентичности русского народа, которые необходимо учитывать при прогнозировании и разработке стратегий будущего развития, культурной политики и т.д. Так, например, идентичность рассматривается как объект управления и «результат сознательного целевого воздействия... со стороны социальных субъектов» [11, с. 228]. Рассматривается социальная, культурная, гражданская, этническая, национальная, политическая, религиозная, личностная и другие типы идентичности. При этом, как замечают авторы, разрабатывая социокультурные и геополитические стратегии важно не посягать на идентичность этносов [1, с. 63].

Идентичность можно рассматривать в контексте «традиционного познавательного комплекса», так как в любой этнической культуре развиваются «механизмы народного гнозиса», то есть процессы «осознания – понимания – познания – деятельности», опосредованные глубинным культурным ядром [Там же, с. 59]. В ходе эволюции «народного гнозиса в режиме исторической самоорганизации» шлифуются и сберегаются «наиболее емкие, ценные для этноса элементы когнитивного опыта» [Там же, с. 60].

Эти и подобные рассуждения об идентичности продолжают развивать вектор обоснованно устойчивого научного интереса к данной проблематике. В частности, это касается вопросов сохранения традиции, особенностей пути развития в контексте самоидентификации как проблеме выживания, осуществление своего исторического (и не только) предназначения народом. И. В. Малыгина, описывая различные основания самоидентификации, отмечает, что на протяжении долгого времени понятия «русский» и «православный» употреблялись народом в качестве «смысловых эквивалентов», «в России в качестве индивидуального самоидентификатора долгое время служило определение «православный», указывая на доминирование религиозного фактора в этнокультурной идентичности личности. Позднее в этом же качестве активно использовался термин «советский», указывавший на доминирующие надэтнические, государственные, гражданско-политические основания консолидации общества» [10, с. 151, 232]. Вместе с тем конфессиональный маркер идентичности остается базовым не только в дореволюционный период, но и в советское время – эта традиция сохраняется в народе. Кроме того, вероисповедальная традиция, находясь в сложных обстоятельствах, освобождается от формализации и приобретает «огни» «живого опыта» (И. А. Ильин [6, с. 259]); а также появляются новые религиозные практики в данных исторических условиях.

Особенности религиозной жизни народа в советское время

О 70-х годах XX века протоиерей Николай (Голубев) писал: «Наше поколение – молодежь семидесятых годов – было очень активным, духовно ищущим. Мы искали истину, искали людей, которые могут показать путь к истине... А когда узнавали о духовно опытных людях, старались к ним съездить, чтобы учиться правильной духовной жизни» [Цит. по: 3, с. 53–54]. Такое стремление к посещению святых мест и духовно опытных личностей (причем это распространяется как на церковных иерархов, монашествующих, мирян, так и на философов,

затрагивающих в своих размышлениях духовные вопросы; так, например, в 70-е годы XX века фиксируют «паломничество» к М. М. Бахтину) имеет в отечественной истории и культуре многовековую традицию.

Одним из самых распространенных жанров в древнерусской литературе были «хождения». Особенно привлекали представителей различных сословий монастыри, в некоторых из них (например, Оптиной пустыни) сложилась традиция «окармливания» старцами представителей философской и литературной среды. Эти практики сохранялись и в советское время.

М. М. Громыко, опираясь на этнографические исследования и мемуары, констатирует, что в советское время миряне из самых отдаленных мест во множестве направлялись к старцам [Там же, с. 72]. С явлением старчества в советское время была связана и социальная дифференциация, так, например, у старицы Рахиль из Бородинского монастыря было благословение принимать главным образом простой народ [Там же, с. 83]. Важно отметить, что информация среди верующих кругов населения о тех или иных духовных наставниках быстро распространялась не только в отдельном регионе или городе, но и по всей стране, иногда поток приезжающих охватывал десятки регионов [Там же, с. 120]. Также следует отметить, что в народе, и не только в церковном, было достаточно широко распространено почитание могил (до официальной канонизации подвижников), что «дополняет ряд выделяемых этнографами явлений духовной жизни, отражающих глубокую укорененность веры в загробную жизнь в этнорелигиозном сознании русских» [Там же, с. 233].

Как отдельный социокультурный, исторический и религиозный феномен можно рассматривать появление в XX веке «монашества в миру» [13]. Ряд выдающихся ученых, деятелей культуры в советское время были тайными священниками и монахами, родственниками архиереев, находясь одновременно на службе в государственных учреждениях, даже занимая высокие должностные положения, в том числе в научной сфере (например, А. Ф. Лосев – философ, ученый, монах [17]; С. Н. Дурьлин – педагог, литературовед, искусствовед, священник [4]; В. В. Чёрная – известный инженер, ученый, ей была присуждена Государственная Премия СССР, в течение почти двадцати лет была заместителем директора Научно-исследовательского института резиновых и латексных изделий, позже стала первой игуменьей возрожденного Ново-Девичьего монастыря в Москве [20]; и др.). Неофициально существовали домашние церкви, церковные общины [15]. Эта тема до сих пор остается недостаточно исследованной. В данной статье отмечаем факт бытования религиозных практик и сохранение духовной традиции в советское время в разных социальных слоях народа.

В последнее десятилетие XX века вышел ряд исследований, посвященных официальной деятельности Русской православной церкви, были изданы документы: обращения церковных иерархов к народу и правительству на протяжении нескольких десятилетий, собраны материалы периодической печати советского времени, отражающие соответствующие процессы и «передающие живое впечатление атмосферы тех времен, достаточно полное представление о борьбе Церкви за свое выживание в мрачную эпоху преследований, о трагической судьбе Церкви, когда подвиг и грех тесно соседствовали друг с другом...» [14, кн. 1, с. 10]. Вместе с тем, составители подобных сборников отмечают, что советский период в истории Церкви (в частности, катакомбной) остается самым малоизученным, это объясняется тем, что многие документы до сих пор хранятся в закрытых архивных фондах, а также его непродолжительным сроком, «недостаточным для появления серьезных объективных работ» [7, с. 519].

Условия советского времени, когда на протяжении нескольких десятилетий не позволялось официально изучать религиозный компонент культуры, и постепенная десакрализация культурных ценностей привели к тому, что большая часть населения страны утратила понимание сути и значения догматической и обрядовой стороны религиозной жизни, что, однако, постепенно восстанавливалось, особенно в послевоенный период, в том числе благодаря достаточно активному взаимодействию народа с носителями духовной культуры. Преемственность традиции, в том числе религиозной, необходима; ценностный разрыв осуществляемых традиционных практик может быть рассмотрен как политическая проблема: в ядре «мировоззренческой матрицы» находится система нравственных ценностей, в которой есть «подвижная часть, легко поддающаяся изменению и влиянию, и есть устойчивая часть, которую очень трудно изменить» [8, с. 72].

Один из авторов, изучающих духовную традицию и религиозную жизнь русского народа, свое исследование по данной проблеме заканчивает следующими словами: «Изучение по первоисточникам обращения мирян к истинным старцам – обладателям особых духовных возможностей – раскрывает существенную часть православной действительности, малоизвестную до настоящего времени» [3, с. 239]. К этому критерию актуальности следует добавить, что существующая по данному вопросу статистика связана с тем поколением информантов, носителей отечественной культуры, которое в настоящее время уходит. Живых свидетелей времени остается немного, поэтому тем более важно не прервать связь времен, привлекая молодое поколение к многостороннему осмыслению реалий жизни и повседневной культуры советской эпохи.

Заключение

Бытование религиозных практик в жизни народа советского периода, подтверждаемое собранными к настоящему времени этнографическими материалами, мемуарной литературой, опубликованной судебной документацией, связанной с послереволюционным репрессивным процессом, доказывает сохранность религиозной традиции в XX веке.

В советское время в числе распространенных религиозных практик народа остаются следующие: обращение к старцам, существование общин, участие в богослужениях (в сохранившихся храмах и в основном пожилого населения), сохранение внутри семьи религиозных традиций (в основном в крестьянской среде, в провинции).

Кроме названных и в целом достаточно распространенных на протяжении всего советского времени религиозных практик, появляются новые: «монашество в миру», катакомбная церковь, домашняя церковь. При этом ряд известных деятелей культуры и науки, занимая в отдельных случаях высокое должностное положение, являлись монахами, священниками и представителями религиозной традиции.

Несмотря на чрезвычайно трудные исторические условия в XX веке, религиозное ядро русской культуры удалось сохранить, и вместе с тем оно же стало одним из факторов выживания и самоопределения народа и в военный (1941-1945), и в постсоветский периоды.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с введением в научную сферу архивных документов, их анализ, а также осмысление данной проблематики в контексте отечественной истории и культуры.

Источники | References

1. Аванесова Г. А. Социально-гуманитарное познание в России: от народного гнозиса к советской теоретической мысли // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 6. С. 58-77.
2. Беглов А., Токарева Е., Фадеев И. Литургические практики католиков советской России в 1920-1930-е гг.: нормы и аномалии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 4. С. 265-293.
3. Громыко М. М. Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века (период гонений на веру и церковь): историко-этнографическое исследование. М.: Паломник, 2015. 240 с.
4. Дурьлин С. Н. В своем углу: к 120-летию С. Н. Дурьлина, 1886-1954. М.: Молодая гвардия, 2006. 878 с.
5. Жамбалова С. Г. Новая народная религиозная практика бурят-буддистов - ответ на вызовы советского времени // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 1 (8). С. 53-58.
6. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993. 448 с.
7. История Русской православной церкви. От восстановления патриаршества до наших дней: годы 1917-1970. СПб.: Воскресение, 1997. 1020 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Ценностный разрыв как политическая проблема // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 72-83.
9. Лосев А. Диалектика мифа. СПб.: Азбука-классика, 2018. 320 с.
10. Малыгина И. В. В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности: монография. М.: МГУКИ, 2005. 282 с.
11. Мирошенков О. А. Идентичность как объект управления // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 228-246.
12. Павел Алеппский (архидиакоп). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с араб. Г. Муркоса. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. 728 с.
13. Перова Е. Ю. Феномен XX века: «монашество в миру» // Энтелехия. 2012. № 26. С. 132-137.
14. Русская православная церковь в советское время (1917-1991): материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер. М.: Пропилеи, 1995. Кн. 1. 400 с.; Кн. 2. 464 с.
15. Священник Глеб Каледа - учёный и пастырь: к 90-летию со дня рождения доктора геолого-минералогических наук, профессора, протоиерея Г. Каледы: сборник / сост. В. Г. Каледа. М.: Изд-во Зачатьевского монастыря, 2011. 791 с.
16. Соловьев В. М. Модель русской национально-культурной идентичности И. А. Ильина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 831. С. 218-229.
17. Тахо-Годи А. А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 1997. 460 с.
18. Флоренский П., свящ. Собрание сочинений. Философия культа: опыт православной антропологии / ред. и авт. вступ. ст. игум. Андроник (Трубачев). М.: Мысль, 2004. 685 с.
19. Цыплаков Д. А., Цыплакова С. М. Религиозные обычаи в народной культуре в условиях советской секуляризации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (57). С. 103-111.
20. Юлин В. А. Варвара в миру - Серафима в монашестве: жизнь и судьба игуменьи из рода Чичаговых. М.: Благотвор. фонд дворян. рода Чичаговых; Аванти, 2003. 45 с.

Информация об авторах | Author information

Перова Екатерина Юрьевна¹, к. культ., доц.

¹ Московский государственный лингвистический университет

Perova Ekaterina Yurievna¹, PhD

¹ Moscow State Linguistic University

¹ eperova71@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.05.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): русская история и культура; традиция; религиозные практики; XX век; Russian history and culture; tradition; religious practices; XX century.